

Будущее евразийской интеграции

Александр Караваев, научный сотрудник Института экономики РАН

Лучшим индикатором состояния евразийского процесса стали бы выборы в евразийский парламент. Поляризация мнений сразу бы определила критерии успеха и цели объединения от группы евразийских оптимистов, ожидаемо, ими бы стали правящие партии, и мы услышали бы критику со стороны западно-ориентированных либералов.

Такой гипотетический сценарий даже не из среднесрочной перспективы. Нет массового, на уровне среднего класса бизнеса и бюджетников, понимания того, что собственно из себя представляет формула "я, евразиец". Нет интереса. У мигранта один образ, у державника другой. Процесс пока слишком зыбкий, чтоб давать волю выборам. К тому же "воду в бассейн" (свободные выборы) должны бы дать сначала в национальные парламенты ядра Союза. Кстати, ведь по этому критерию - свободы выборов - в ЕАЭС уже нет былой гармонии. Армения и Киргизия куда дальше остальных ушли вперед. Правда и особого счастья, в социально-экономическом смысле, этого не дало.

Для чиновников, евразийская интеграция, это конкретные управленческие вещи в рамках движения к унифицированному пространству - регулирование рынков, торговли, стандартов, прочих параметров и правил. Но что в голове? На практике мы имели дело с двумя наиболее сильными образцами интеграции - позднесоветский и европейский варианты. Ни один, ни другой в ЕАЭС дословно не повторяется, хотя общие мотивы присущие всем аналогичным процессам безусловно имеются. Но они сильно влияют именно на картину будущего евразийского процесса. Куда идем - вопрос открытый. Разрыв между практикой и декларацией никак не зарастает. Практика ЕАЭС это погруженность наших слабых экономик (около 1,8% мирового ВВП) в мировые процессы, а декларации не формулируют четких ориентиров будущего, что мы должны иметь в повседневной жизни. Конечно, специалист способен отстроить такую картину - образ будущего. Но вот обыватель, уже вряд ли.

Хотя, сделано многое. Но из ряда широко описанных достижений, подавляющая часть является универсальными механизмами для трансрегиональных процессов, при наличии структурной гравитации вокруг ядра двух-трех экономик: безвизовое пространство, снижение

тарифных барьеров, унификация технических стандартов, создание совместных производств и допуск крупных корпораций на рынки друг друга. Поэтому возникает вопрос, а что из этого собственно "евразийского". Понятно, что это определенная упаковка, политический бренд в рамках которого идет процесс роста внутренней торговли и инвестиций наиболее крупных игроков внутри Союза. Но не было бы этого бренда, в общем все шло бы в том же духе. То есть - применение общей мировой практики на нашей почве.

Однако, отличия "европейского пути" от "евразийского" разительные. Даже в плане раскрутки. Скажем, до сих пор не удается привить наглядность и привычность этому процессу, на уровне обывателя. Мы почти не используем символической накачки - символики ЕАЭС просто нету в той же мере как используются национальные символы и флаги. Это наиболее разительный контраст с Евросоюзом, бренд которого в определенный период раскручивали как символ социально-экономического успеха в поп-медийном пространстве. Практически не встретить евразийское содержание в образовательных программах.

Европейский обыватель понимал, что Евросоюз это выход в будущее, ответ на вызовы времени. Так ли это, или иллюзия - вопрос другой. Но еврочиновники и политики, определенно в это верили в 1980-1990 годах. Сказать также про наших, я бы не рискнул. Видимо поэтому и провисает реклама процесса для евразийского обывателя.

И это сейчас, когда евразийским процессом руководят супер тяжеловесы масштаба Путина и Назарбаева. А что потом?

Придут новые поколения, определяющие будущее объединения. И это логично - молодые из Центральной Азии, Армении, других стран ЕАЭС должны привносить свое видение и свою политическую картину интеграции. Политики "с улицы" дадут о себе знать. Имеющиеся конфликты внутри ЕАЭС могут выливаться в более острые формы, нежели сейчас.

Но, с другой стороны, личные отношения между лидерами будут уступать место бюрократизированным и даже автоматизированным (цифровым) платформам управления. Будет увеличиваться роль евразийской Комиссии. Станет ли объединение реально более сильным, и более видимым на глаз обывателя, чем сейчас, по-прежнему зависит от способностей к развитию российского социально-экономического пространства.